

Борис Слуцкий

Борис Абрамович Слуцкий (1919–1986) был самым крупным и самобытным поэтом военного поколения. Всю жизнь этот храбрый волевой человек был по политическим убеждениям коммунистом, но его беспощадно реалистические стихи совершенно не соответствовали требованиям официального «социалистического реализма». Поэтому печататься он стал только в период послесталинской «оттепели», с середины пятидесятых годов, но и тогда самые политически острые его вещи оставались достоянием самиздата. Несмотря на марксистские взгляды, в стихах Слуцкого сквозили идеи универсального гуманизма и метафизической справедливости. Вторая половина пятидесятых была периодом расцвета его творчества, когда почти все молодые поэты в какой-то степени испытали на себе его влияние. Бродский едва ли не больше всех. В апреле 1960 года он ездил в Москву познакомиться со Слуцким и, видимо, Слуцкий сказал ему нечто одобрителное. Стихотворение «Лучше всего / спалось на Савеловском...» кончается словами благодарности поэту:

До свиданья, Борис Абрамыч.
До свиданья. За слова – спасибо¹²⁹.

128 СИБ-1. Т. 1. С. 30 (в СИБ-2 не включено).

129 Там же. С. 35 (в СИБ-2 не включено). Очень вероятно, что это стихотворение Бродского является откликом на стихотворение Слуцкого «Сон»: «Утро брезжит, а дождик брызжет. / Я лежу на вокзале в углу...» [впервые напечатано в журнале «Знамя» (1956. № 7)]. Помимо общей темы – сон на вокзале – просматриваются и пародийные моменты: Слуцкий пишет, что принимает свою участь «как планиду и как звезду», Бродский – что «видел только одну планету: / оранжевую планету циферблата». В концовке этого популярного стихотворения Слуцкого к автору сходит с пьедестала «привокзальный Ленин», у Бродского «голубоглазые вологодские Саваофы» шарят по карманам автора, пытаясь найти запрятанные червонцы (с портретом Ленина).

К. К. Кузьминский вспоминает, как он показал Бродскому зимой 1959 года свои первые стихи. Вместо оценки и совета Бродский прочел ему «Кельнскую яму» Слуцкого: вот как надо писать¹³⁰. Слуцкого Иосиф помнил всю жизнь. Как правило, когда заходила речь о Слуцком, он читал по памяти «Музыку над базаром»:

Я вырос на большом базаре
в Харькове,
Где только урны
чистыми стояли,
Поскольку люди торопливо харкали
И никогда до урн не доставали.

Я вырос на заплеванном, залузганном,
Замызганном,
Заклятом ворожкой,
Неистовою руганью
заруганном,
Забоженном
истовой божбой.

Лоточники, палаточники
пили
И ели,
животов не пощадя.
А тут же рядом деловито били
Мальчишку-вора,
в люди выводя.

Здесь в люди выводили только так.
И мальчик под ударами кружился,
И веский катерининский пятак
На каждый глаз убитого ложился.

Но время шло – скорее с каждым днем,
И вот —
превыше каланчи пожарной,
Среди позорной погани базарной,
Воздвигся столб
и музыка на нем.

Те речи, что гремели со столба,

Таким образом «за слова – спасибо» может иметь и другое значение. О добродушно-ироническом отношении Бродского к Слуцкому лично см.: *Сергеев 1997*. С. 439. Современного читателя может смутить иронический оттенок некоторых высказываний Бродского и других поэтов его круга о Слуцком. Это связано с тем, что коммунистические иллюзии Слуцкого молодежь воспринимала как наивное чудачество. В особенности скептическое отношение к любимому поэту как человеку усилилось после того, как в 1958 г. он, раздираемый противоречиями между «партийным долгом» и личной порядочностью, все же присоединил свой голос к официальной травле Пастернака.

¹³⁰ Кузьминский К. Лауреат «Эрики» // Русская мысль. 1987. № 3697. 30 окт. С. 11. В статье ошибочно назван 1958 г.

И песню —
ту, что со столба звучала,
Торги замедлив,
слушала толпа
Внимательно,
как будто изучала.

И сердце билось весело и сладко.
Что музыке буржуи – нипочем!
И даже физкультурная зарядка
Лоточников
хлестала, как бичом¹³¹.

Бродского в Слуцком привлекали не социалистические мотивы, хотя антибуржуазности он и сам был не чужд, а сила стиха. Слуцкий открыл свободное пространство между выдохшимися стиховыми формами девятнадцатого века и камерным чистым экспериментаторством. Оказывается, достаточно только чуть-чуть варьировать классические размеры – и стих, не разваливаясь, приобретает гибкость. Бродский начинает, вслед за Слуцким, осваивать нетронутые ресурсы русского классического стиха¹³². Постепенно он начнет также убирать или прибавлять слог-другой, превращая классический размер в дольник. Так, например, преобразуется заунывный затертый анапест в большинстве стихотворений цикла «Часть речи» (1975–1976). Слуцкий показал, что далеко еще не исчерпаны ресурсы богатых, но не броских, не отвлекающих без нужды внимание на себя рифм. В частности, таковы глагольные рифмы, когда в них вовлечены опорные (предударные) согласные (*стояли-доставали, пили-били, кружился-ложился, а в звучала-изучала* омофония приближается к полной). В литературных кружках предостерегали против всех глагольных рифм скопом как бедных, грамматических.

Вообще притворяющийся почти прозой стих Слуцкого насквозь пронизан скрепляющими его ткань поэтическими приемами – аллитерациями, ассонансами, анафорами (ср. *За-* во второй строфе процитированного стихотворения), паронимазиями (сближением слов по звучанию), каламбурами и прочим. Своего рода поклоном учителю, который научил его использовать игровую стихию стиха для серьезных, неигровых задач, служит начало поэмы Бродского «Исаак и Авраам» (июнь 1962 года). Там обыгрывается разница между библейским именем Исаак и его русифицированным вариантом Исак: «По-русски Исаак теряет звук. <...> Исак вообще огарок той свечи, / что всеми Исааком прежде звалась» (ОВП). У Слуцкого было небольшое стихотворение на эту тему:

Прославляют везде Исаака,
Возглашают со всех алтарей.
А с Исаком обходятся всяко
И пускают не дальше дверей¹³³.

Важный урок, воспринятый Бродским у Слуцкого, относится к тому, как строить стихотворение, к семантической структуре текста. Слуцкий начинает «Музыку на базаре» с

131 Первая публикация в журнале «Знамя» (1957. № 2).

132 В период до 1972 г. это выразилось прежде всего в необычайно разнообразной и оригинальной строфике. См. подробный обзор Шерр 2002.

133 *Слуцкий Б. А. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. С. 71.* В этом же стихотворении Слуцкий рифмует предлог (*немногое от – господ*), что стало «фирменным» приемом у Бродского.

крайне грубой картины, рассказанной грубыми словами, а заканчивает, казалось бы, не изменяя стиля повествования, едва прикрытой евангельской цитатой: музыка бичует лоточников, как Христос, изгоняющий торгующих из храма. Бродский тоже будет сблизать в своих стихах физиологическое, вульгарное с абстрактно-философским, метафизическим. У него новый Дант, как творец вселенной из ничего, ставит на пустое место слово, но это сакральное Слово рифмуется с профанным и грубым «херово» («Похороны Бобо», 1972). Нередко он начинает стихотворение с фотографического запечатления неприглядной реальности – убогого интерьера или собственного скверного самочувствия – и ведет его к открытию духовного порядка, хотя далеко не всегда утешительному и обнадеживающему. Такова структура и маленького стихотворения «Я обнял эти плечи и взглянул...» (1962), и большого «Натюрморт» (1971), хотя чаще прямая, «снизу вверх», последовательность лирического сюжета уступает место более сложным построениям.

Самое существенное, однако, что унаследовал Бродский от Слуцкого, или, по крайней мере, от того, что он прочитывал в Слуцком, это – общая тональность стиха, та стилистическая доминанта, которая выражает позицию, принятую автором по отношению к миру. Об этом Бродский говорил в 1985 году: «Слуцкий почти в одиночку изменил тональность послевоенной русской поэзии. <...> Ему свойственна жесткая, трагичная и равнодушная интонация. Так обычно говорят те, кто выжил, если им вообще охота говорить о том, как они выжили, или о том, где они после этого оказались»¹³⁴.